

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Художественное оформление серии *Анастасии Ивановой*

Иллюстрация на переплете *Валентина Губарева*

Барсукова, Лана.

Б26 Счастье ходит босиком / Лана Барсукова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109046-3

Мы несемся по жизни, едва успевая перевести дыхание и переобуться на ходу. Кроссовки — для здоровья, острые шпильки — для карьеры, тапочки — для дома. Только что были босоножки, и опять — зимние сапоги. И бежим, бежим, бежим... Словно там, за поворотом, нас ждет что-то такое, чего нам не хватает для полного счастья.

И в этом беге не замечаем, что счастье рядом. Оно еле уврачивается от нашего стремительного натиска, боится приблизиться, чтобы его не затоптали. Оно опасно поджимает ноги, чтобы их не отравили наши жесткие каблуки. Ведь счастье ходит босиком...

Лана Барсукова

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109046-3

© Барсукова С., 2020
© Губарев В., иллюстрации, 2020
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Предисловие

Мы несемся по жизни, едва успевая перевести дыхание и переобуться на ходу. Кроссовки — для здоровья, острые шпильки — для карьеры, тапочки — для дома. Только что были босоножки, и опять — зимние сапоги. И бежим, бежим, бежим... Словно там, за поворотом, нас ждет что-то такое, чего нам не хватает для полного счастья.

И в этом беге не замечаем, что счастье рядом. Оно еле уворачивается от нашего стремительного натиска, боится приблизиться, чтобы его не затоптали. Оно опасно поджимает ноги, спасаясь от наших жестких каблуков. Ведь счастье ходит босиком...

Пусть эти рассказы напомнят нам об этом. Возможно, счастье приблизится к нам, зачарованно идя на звук переворачиваемых страниц.

Лана Барсукова

Идеальный брак

Иван Петрович в свои шестьдесят лет был хоть куда. Как говорится, хоть в пир, хоть в мир. Хотя так про людей не говорят, только про одежду. Но ведь, по сути, правильно. А вот жена подкачала.

Они были ровесниками. Но Иван Петрович старел постепенно, по плавной, даже, можно сказать, попологой кривой. Жена же, Вера Семеновна, наоборот, долго хранила молодость, вызывая удивление и зависть окружающих, а потом просто рухнула в старость.

Стали мелко трястись руки, кожа пигментировалась, ноги стали как тумбы, а на загривке вырос холмик, отчего казалось, что она постоянно тянется головой вперед. Как гусыня, которая гонится за обидчиком. Нет, особого безобразия не наблюдалось. Но скорость перемен озадачивала. В глазах любого знакомого читалось: «Да! Сдала Вера. А ведь какой была!»

Конечно, и Иван Петрович уже не мальчик. Но он никогда не был красавцем, с него и спрос другой. К тому же к переменам в его внешности окружающие успевали привыкнуть и потому словно не замечали их. Его увядание похоже на осень, которая подкрадывается

Идеальный брак

незаметно, отдавая желтому и красному цвету сначала один листочек, потом еще парочку, и еще, и еще. Как будто десантный отряд желтых разведчиков в окружении надменных зеленых собратьев. Десант, обреченный на победу. И никто не может сказать, когда началась осень, какого числа и в котором часу.

А с Верой Семеновной природа разыграла другой сценарий. Как будто на зелень листвы выпал снег, лежит и не собирается таять. И холодно вокруг. Холодно и грустно, потому что обратного хода нет. Прямо с этого самого дня и часа, хоть в дневник запиши: «Прощай, лето!» Как там в песне поется? «У природы нет плохой погоды». Смотря для чего. Если у камина сидеть, то и вправду нет. Но для этого камин нужен и дом соответствующий. К старости надо готовиться, как к зиме. Заготовки делать.

У Ивана Петровича камина не было. Дача годилась только для летнего проживания. Получается, что они с женой плохо подготовились к зиме их жизни. Как-то так вышло, чего уж теперь. Но на даче было душевно и свободно. Допускалось носить старые трико и линялые шорты. Иван Петрович, в прошлом военный, это особо ценил, потому что гражданскую одежду воспринимал как огромное послабление, почти баловство.

Шорт и футболки было много, потому что зять любил одеваться. Постоянно покупал себе новую одежду, а старую отдавал донашивать тестю. «Брендовая вещь, между прочим, немереное бабло отдал в свое время», — нахваливал он то, от чего избавлялся. «Пижон», — вздыхал Иван Петрович. В его понимании мужик должен

Лана Барсукова

уметь отличать майку от рубашки, но не более. Он не любил зятя, но терпел, лишь бы дочери хорошо было.

Несмотря на отсутствие камина, Ивану Петровичу нравилось жить с женой на даче. Тихо, спокойно, хлопоты по мере сил. И никакого напряжения, к которому он привык за долгую жизнь. Они тихо живут с Верой, в огороде ковыряются, детям варенье варят. Зять, хоть и пижон, покушать любит.

Вот и сегодня дочь с мужем должны приехать. Детей сдали в лагерь, который Иван Петрович по старинке называл пионерским. Зять морщился и каждый раз поправлял тестя. «Нет больше вашей пионерии, вы бы еще коммуны вспомнили». Пижон и зануда, одно слово. И как с ним дочка живет?

На этот раз дочь Надя приехала одна. Иван Петрович переглянулся с женой и поймал в ее глазах отражение собственных мыслей. С одной стороны, приятно увидеть дочь без этого нудного довеска. Но с другой — неправильно это. Дочь здесь, а зять там. А дети вообще в лагере. Может, что-то случилось?

— Одна почему? Муж не смог? Приболел? — не выдержала Вера Семеновна.

— Потом, мам. Дай передохнуть. У вас тут опять все перекопали, как через окопы пробиралась. — И Надя согнулась, чтобы очистить босоножки от комков глины.

«Глаза прячет», — подумал Иван Петрович, но сказал спокойно:

— Соседи газ проводят.

— Газ это хорошо, — ответила Надя и прошла на крыльцо.

Идеальный брак

Вера Семеновна ткнула мужа локтем и сделала тревожные глаза. Он пожал плечами.

— У вас все хорошо? — опять засуетилась мать.

— Мам, сказала же, потом.

— С детками? Надь, ты нас не жалеи! С детками что-то?

— С детками все хорошо.

— Тогда с кем? — не сдавалась Вера Семеновна. — С кем плохо?

— Ну почему плохо? Почему вы не можете жить, не превращая все в трагедию? У меня все хорошо. Вы меня услышали? Хо-ро-шо.

Вера Семеновна недоверчиво изобразила улыбку. Иван Петрович ждал продолжения. И дождался.

— Просто мы разводимся.

Повисла пауза.

Старики молчали со скорбными лицами.

— Господи, как мне это надоело! — Надя зло посмотрела на родителей. — Ну что? Мне еще вас утешать? Вы всю жизнь вместе и даже представить не можете, как в жизни все непросто... как сложно... вы... вы будто всю жизнь в пионерском лагере прожили...

Старики устыженно молчали.

* * *

— Вань, ну как так? Ты мужик видный, а с Верой у тебя какой-то винегрет? — говорил майор, перебравший самогона. — Она ж у тебя на носу с Валеркой мутьки мутит.

— Помолчи, — шумно дышал через нос его боевой товарищ, совсем младший лейтенант Иван.

Лана Барсукова

— Я-то, Вань, помолчу, а люди не помолчат. Она ж, зараза, даже не скрывает. Я тебя как старший по званию спрашиваю: и где ты такую нашел?

— Не твоего ума дело! — угрожающе рыкнул Иван.

— Может, и не моего, а только она нашим женам пример подаст неподобающий, блядский пример, скажу тебе, — продолжал подвыпивший майор.

Алкоголь усыпляет бдительность. Майор не заметил, как тяжелый кулак боевого товарища описал короткую дугу и впечатался ему в нос. Кровь, брань, партийное собрание... Майор человеком оказался. Сказал, что из-за «Спартака» поспорили, поэтому и подрались.

Только все равно перевели за полярный круг служить. Да оно и хорошо, подальше от Валерки. Он слабак — за Верой на север не поехал. А ее даже жалко было, она украдкой на вокзале оглядывалась, дурочка. «Да не придет он», — хотелось сказать Ивану, но он молчал, делал вид, что чемоданы пересчитывает. Балабол этот Валерка, пустозвон и трепло. Даже под фуражкой умудрялся себе модный кокон делать и бляху на ремне начищал, как петух. Только молодые дурехи могут по такому сохнуть. Вот такие, как его Вера, она ж молодая еще, яркая, звонкая.

Когда Иван думал о жене, его захлестывала какая-то отеческая забота и даже чувство вины, словно он не уберег ее от соблазна, оставил одну наедине с этим обольстителем. То, что они с женой ровесники, не в счет. Он мужчина, стало быть, умнее и старше по определению, а не по дате в паспорте. Сам виноват, вечно на службе. А что ей оставалось? Не дома же сидеть. Детей нет, хо-

Идеальный брак

зайство походное, квартира казенная. Выходило, если подумать, что это даже изменой считать нельзя. Так, возрастная болезнь вроде кори или ветрянки. И чем раньше переболела Вера, тем лучше.

На северах все поначалу шло нормально, но Вера замерзать стала. Как-то изнутри ее подморозило. Скучная стала, тихая, как будто ледышка внутри. И румянец ушел. Иван очень переживал по этому поводу, на недостаток витаминов списывал. И, чтобы вернуть румянец, стал почаще заглядывать на склад, интересоваться поступлением апельсинов в продажу.

Апельсинами ведала увядающая красавица Тамара, с которой смело можно пойти в разведку. Она своих не сдавала.

— Тамар, апельсины не завезли?

— Я тебя умоляю.

— Не понял. Так завезли, что ли?

— Ага, приключилось такое чудо случая. Весь склад в апельсинах. Не слышишь, как воняет?

Вонь была не цитрусовая.

— Тамар, а что слышно? Обещают?

— Ага, обещают.

— Когда?

— Когда коммунизм построят.

— Никогда, значит?

А она только плечиком поведет да рассмеется во всю ширь зубов.

Иван сначала про апельсины думал, а потом про ее зубы все чаще стал размышлять. Как ей удастся зубы в таком порядке содержать? И как-то невзначай мысль

Лана Барсукова

стала петлять, вбок заваливаться: а все остальное у нее тоже в таком же образцовом порядке? Ну там, грудь, например.

И вот уже Иван почему-то стал краснеть, спрашивая про апельсины.

Однажды случилось непредвиденное, хотя вопрос был вполне невинен:

— Апельсины не завезли, а, Тамар?

— Какие такие апельсины?

— Ну круглые такие, крепкие, — и покраснел.

— Может, мандаринки сгодятся?

— Мне бы апельсины. Мандарины мелкие и костлявые, — покрылся испариной Иван.

Тамара догадливая была, не зря же с ней в разведку идти можно было. Подошла сама, взяла его руку и на грудь положила.

— Такие?

Ивану показалось, что ему апельсиновым соком в глаза прыснули. Или прямо в кровь этот гадский сок ввели, потому что он против всех своих убеждений и принципов завалил Тамарку на мешок с чем-то сыпучим, податливо принявшим форму их тел. И все — пропала его супружеская верность. Как говорится, ни за грош, ни за копейку. А за апельсинки.

Тамарка ему две полные сетки нагрузила и даже смеяться перестала. Денег не взяла. Вроде как ей неудобно стало. Но напоследок сказала, что скоро ананасы завезти обещают.

Иван принес эти круглые, господи, ну до чего же круглые и упругие, апельсины домой и разложил по

Идеальный брак

тарелкам. Расставил эту красоту по квартире. На журнальный столик, на спинку дивана, на полку поверх книг. И снова на журнальный столик. Потому что комната была маленькая, а апельсинов было много. Со стены на это пиршество смотрела египетская царица Нефертити, и, как показалось Ивану, в ее взгляде было какое-то презрение. Она продавала себя дороже.

Хлопнула дверь, пришла Вера. Иван замер и затаил дыхание. Он боялся разоблачения и одновременно чувствовал себя героем. Раздобыть апельсины зимой за полярным кругом — это, конечно, не героизм, но что-то героическое в этом есть.

Вера зашла и ахнула. Но прежде чем она ахнула, буквально за секунду до этого, Иван успел заметить, что Вера вполне себе румяная. И блеск в глазах такой, что хоть прикуривай от нее.

Но, как потом выяснилось, прикуривать от нее начал не Иван. А Федор. Был такой щегол в их гарнизоне, самостоятельностью заведовал. Он создал театр, где практически все роли исполняли женщины. Как театр кабуки, только наоборот. Японцы в своем театре только мужчинам роли давали. Иван потом много про театр читал и понял, что правы японцы — мудрецы узкоглазые. Тысячу раз правы. И как они в свои щелочки разглядели, что если человек голос или тело ломает, то у него и внутри что-то ломается? И получается, что блуд — это не грех, а побочное свойство профессии. Женщин от этого ремесла подальше держать надо.

Опять выходило, что Вера не виновата. Если другой артистке можно, то чем она хуже? А она, по правде

Лана Барсукова

говоря, даже лучше. Иван смотрел на жену и тихо сам себе завидовал. Вера у него красивая и светлая, наивная и любознательная. Такую беречь надо, за ручку на курсы кройки и шитья отвести. А он с утра на службу, и разбирайся со своей жизнью, как знаешь. Вот она и пошла в театр записываться. Ну а дальше от нее уже ничего не зависело, дальше все по японским заветам получилось. Можно сказать, профессиональная деформация личности с ней приключилась.

Иван жену не ругал, вообще никак свое знание не проявлял. Как в кулак себя зажал, аж костяшки побелели. Терпел до премьеры. Нельзя же человеку праздник портить. Вера столько сил на эту роль положила, перед зеркалом репетировала, платье из тюлевой занавески шила. Занавеска была почти новая, ей бы еще висеть и висеть.

— Зачем ты так? Может, не надо?

Вера молчала, потом тихо прошептала:

— Иван, прости, но я не могу иначе.

— Ну раз тебе это надо...

— Иван, ты святой.

— Да ладно. Чего уж теперь. Буду в городе, новую занавеску куплю.

— Так ты про занавеску? — Вера осела на кровать.

Потом зло посмотрела и добавила:

— Нет, Ванечка, ты не святой. Ты юродивый.

— Какой есть, — обрубил разговор Иван, — руки помой, сейчас ананас есть будем.

Ананас подогнала Тамара. В продажу это заморское чудо не поступало.

Идеальный брак

Когда Ивану становилось невмоготу и кулак, в котором он себя держал, начинал предательски дрожать и разжиматься, ему становилось страшно. Как будто у него зажата чека от гранаты, и вот-вот может рвануть, да так рвануть, что вся его жизнь разлетится на мелкие кусочки. В такие минуты, испуганный своей слабостью, Иван шел на склад к Тамаре. Он уже знал, что на мешках с мукой очень жестко, а мешки с сахаром противно скрипят, что лучше всего получается на ровных коробках с кабачковой икрой. Ему было противно, он стыдился самого себя, но зато потом, когда приходил домой, ревность уползала куда-то в чулан, вытесненная виной перед женой. Так останавливают пожар, организуя встречное пламя.

Иван терпел, ожидая премьеры, чтобы с упоением набить морду Федору. А пока нельзя. Как артист с боями на сцену выйдет? Спектакль придется отменять. Вера расстроится. Да и занавеска зря пропадет.

И вот настал долгожданный день премьеры, весь гарнизон собрался в клубе. На сцене маялись от невыносимой любви Ромео и Джульетта, они же Федор и Вера. Иван сидел во втором ряду и делал вид, что увлечен спектаклем. Он сжимал кулаки, и они радостно похрустывали в предвкушении скорой развязки. Окружающие следили за сюжетом в полглаза, потому что концовку знали заранее. Все умрут, и любовь восторжествует на крышке гроба. Но дело даже не в этом. Куда интереснее было наблюдать за Иваном. Все знали про Веру и Федора. Гарнизон — это вам не какая-то там Верона, тут ничего не утаишь. В воздухе пахло насто-